

Москва, 1918–2018

О книге

Раз в сто лет случаются существенно значимые события. И это событие случилось. Повесть про Ленина. И про Брежнева. Про Багрицкого. И про Гайдара. Про Евтушенко и Пахмутову. Про драки во дворах. И про пионерлагеря. Про Высоцкого. И про Визбора. Про немецкого гауптмана Грота. И про австрийского горновосходителя Кропфа. Про дедовщину. И про романтику. Про Китай и Болгарию. Про московский пивной завод имени Бадаева. И кавказский альплагерь Узункол. Про пионеров на Мавзолее. И про медали на больших грудях. Про «обычную» школу и необычный райком. Про ту «Метлу». И не про ту ещё «Горбушку». Про то, как вместо обещанного ранее коммунизма объявили Олимпиаду. Про то, как всё начиналось, продолжалось и не закончилось. В общем, про кам-са-мол!

Ой, кто это? Во-о-о-от! А фамилии и события все естественные? Конечно – как и в любом художественном произведении...

100-летию ВЛКСМ – Комсомола и всем тем, кто помнит или хочет узнать о жизни в нашей стране 60-х, 70-х, 80-х годов прошлого века посвящается

Пролог.

Кремлёвский Дворец съездов. 1978-й

Стремительно стареющий и болеющий генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев (он же просто Ильич, он же дорогой Леонид Ильич, он же Лёня) прошествовал на трибуну Кремлёвского Дворца Съездов (КДС):

«Дорогие друзья!

Сегодня мы отмечаем большое, и я бы сказал, очень волнующее событие в жизни нашей страны, всего советского народа – 60-летие славного Ленинского комсомола...

Всеми нами, и молодыми, и теми, у кого за плечами долгие, порой нелёгкие годы – владеет одно чувство – чувство огромной признательности и благодарности Союзу молодых коммунистов...

Идейную закалку в нём прошли миллионы советских людей. Когда мы говорим слово «комсомол», то каждый из нас вспоминает свою юность. Одни – грозные атаки Первой Конной. Другие – палатки у горы Магнитной. В памяти встает штурм Берлина, битва за целинный хлеб...».

Мы, конечно, не помним Первую Конную и Магнитку. А вот про остальное наслышаны. Из бес- смертных произведений «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», которые опубликованы как раз в этом, 1978-м году в журнале «Новый мир». Это он, дорогой Леонид Ильич, отстаивал Малую землю, чего-то возрождал, а затем боролся за целинный хлеб. Кто ж против? Никто и не против.

Мы, комсомольцы центрального района Москвы, сидим в первом ряду КДСа, что само по себе является неслыханной наградой (а как же, заняли ведущее место в каком-то важном соревновании), и, хорошо зная орденосносную историю Всесоюзного Ленинского, перешёптываемся:

«Ну, что, в 1928-м, к «десятке», комсомолу дали Орден Красного Знамени за боевые заслуги в гражданскую. В 31-м, вне юбилеев, вручили Орден Трудового Красного Знамени за первую пяти- летку. Ударничество, соцсоревнование и всё такое. В 45-м – понятный вопрос, заслужили Орден Ленина за Великую Отечественную. В 48-м опять такой же, но юбилейный – за «тридцатку». В 56-м – ещё один Орден Ленина, за ту самую целину под мудрым руководством. Наконец, в 68-м – Орден Октябрьской Революции, к «полтиннику». А теперь что дадут?»

Дорогой Леонид Ильич продолжал:

«...Комсомольцы 70-х приехали в этот зал с магистрали века – БАМа, с «Атоммаша», с полей Нечерноземья...

На боевой гимнастёрке и рабочей спецовке комсомола по самой большой справедливости сияют высокие награды Родины. И сегодня мне особенно приятно вручить комсомолу...».

«Да ну? Новый орден изобрели?».

«Во!».

«...новую награду...».

«Ну, я же говорил!».

«...памятное Красное Знамя Центрального комитета нашей партии... Старшее поколение пронесло это знамя через рабочие маёвки, бои на баррикадах, через Дворцовую площадь в дни штурма Зимнего. И с этим знаменем наш народ под водительством партии победил!».

«Знамя? Э-э-э... Маловато будет! Кстати, когда Знамя вручат, президиум пойдёт в первый ряд садиться, а нас-то куда?».

Секретарь райкома Валентина Андреева снисходительно произносит:

«Попросят».

«...что ли, пошлют?».

«Зачем так далеко?! Скажут: спасибо, вы нам очень помогли, а теперь на каком-то ряду подальше вам будет гораздо удобнее».

Брежнев завершал:

«...Будем же верны Знамени мира, дружбы, солидарности, братства трудящихся всей земли! Будем же во всем верны нашему Красному Знамени Революции!

Вручая это знамя в ваши молодые, крепкие руки, партия твёрдо уверена, что вы достойно пронесёте его до полного торжества коммунизма...».

Перед Леонидом Ильичом как из-под земли вырастает первый секретарь ЦК ВЛКСМ, 45-летний, молодой и крепкий, Борис Пастухов. Некто, ещё более молодой и крепкий, вкладывает в руки генсека Знамя. Брежнев берёт его и ... не удерживает, Знамя начинает падать вниз. Зал замирает.

Сразу несколько молодых и крепких ловят Знамя на лету – фантастика, но оно не долетает до земли, а вновь в руках у генсека! Вторая попытка передачи Знамени Пастухову удачна. Первый комсомольский секретарь переполнен пережитым ужасом и наступившим восторгом.

Нас, сидящих в первом ряду, и вправду благодарят и показывают, куда удобнее переместиться.

Зал встаёт и скандирует:

«ЛЕНИН! ПАРТИЯ! КАМ-СА-МОЛ!».

Потом банкет на банкетном же этаже КДС, у каждого райкома свой стол. Наливаем – выпиваем – обмениваемся. Кто чем: словами, столами, женщинами. И снова все хором, с реальным энтузиазмом, громкой речёвкой:

«ЛЕНИН! ПАРТИЯ! КАМ-СА-МОЛ!».

Потом концерт. Космонавты поздравляют комсомол, артисты, учёные, все молодые и крепкие. А молодая и крепкая Алла Пугачёва выходит и говорит:

«Я очень люблю комсомол. Хотя вообще-то недавно вышла из комсомольского возраста. Но девиз остался прежним: не расстанусь с комсомолом – буду вечно С молодым! С днём рождения, комсомол!».

И опять, с перекатами:

«ЛЕНИН! ПАРТИЯ! КАМ-СА-МОЛ!».

Но это потом. Да, это потом...

ГЛАВА I.

Пионеры Кунцева, пионеры Сетуни, пионеры фабрики Ногина (60-е)

Рухнула плотина,
И выходят в бой
Блузы из сатина
В синьке грозовой.

Над больничным садом,
Над водой озер,
Двигутся отряды
На вечерний сбор.

Заслоняют свет они
(Даль черным-черна),
Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетуни,
Пионеры фабрики Ногина...

Э. Багрицкий, «Смерть пионерки», 1932 г.

Космос и кукуруза

Да, боль, печаль по умирающей пионерке Вале в поэме Эдуарда Багрицкого. Но одновременно – восторг! Это мы – отряды, которые движутся на вечерний сбор. Это мы, выходящие в бой. Это мы – пионеры Кунцева, пионеры Сетуни, пионеры фабрики Ногина!

Места как раз те, где сейчас улица Багрицкого. Занятно, что до переименования в честь поэта она называлась Пионерской.

Знаете, в гостях у Багрицкого бывал Аркадий Гайдар, автор абсолютно «пионерского» рассказа «Тимур и его команда».

Как всё замешано, однако. Получается культовое пионерское место!

Через тридцать лет после того, как появилось стихотворение про пионерку, я пошёл в первый класс. Октябрьскую звёздочку с профилем «когда был Ленин маленький с кудрявой головой» повесили очень быстро, так что даже помечтать о ней не успел. А вот красный пионерский галстук – это да! Это мечта! И те, кто носит эти галстуки, ребята всего-то на пару лет постарше – крутые авторитеты, как бы сказали сейчас. Тогда слов «круто», «крутой» не произносилось. А почётное и всеми узнаваемое слово «пионер» знали.

«Я, Иванов Александр, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь:

- горячо любить и беречь свою Родину;
- жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия;
- всегда выполнять законы пионеров Советского Союза...».

Эта пионерская клятва помещалась даже на обложке школьной тетради, и наизусть её мы знали задолго до ритуала вступления в пионеры.

А я и вправду Иванов Александр. Получилось вообще чудно: отец мой звался Иванов. Одна сестра отца вышла замуж за Иванова. Дочь второй сестры тоже вышла замуж за Иванова! Постепенно развелось нас, Ивановых, несметное количество. Создавалось впечатление, что другие фамилии очень редки.

Жили мы в уже упомянутом Кунцеве – районе, который только-только отнесли к Москве, а раньше значился Московской областью. Да и в начале 1960-х рядом находилась деревня Давыдково, с коровами, курами, огородами. Деревенские ходили в школу вместе с нами, жителями каменных домов, а мы ходили к ним – за молоком, картошкой, яблоками.

Так случилось, что квартира наша находилась в доме, расположенном, как в сказке про избушку на курьих ножках: ко двору задом, а к дороге передом. Три дома из «каре» глядели подъездами друг на друга и во двор, один наш – вовне. И повернуться, в отличие от избушки, никак не мог.

Хотите взглянуть на этот дом? Будьте любезны! На месте прежней воинской части вырос бункер МЧС России. Посмотрите на него – очень интересно, а заодно и на четырёхэтажный кирпичный снаружи и абсолютно «хрущёвский внутри» дом.

Что значит «хрущёвский внутри»? А то. Открываешь дверь в квартиру, а там распахиваешь одновременно двери в комнату и в туалет. Всеми тремя дверьми можно постучать друг о друга. Входишь к комнату, а напротив, в полутора метрах, дверь в кухню. Наискосок – дверь в смежную комнату! Что, плохо? Отлично! После коммунальной комнаты в деревянном двухэтажном доме с печным отоплением и уборной на улице в районе «Сокола» эта кунцевская «двушка» казалась хоромами!

Среди жильцов дома много офицеров, в их числе и мой отец. Пацаны из других домов звали нас за это «офицерские» и цеплялись при каждом удобном случае.

«Ну-ка, офицерские, сбросились быстренько по десять копеек».

Дальше, как обычно, описано и ушло в анналы:

«А если найду?»

– То чо?

– Получишь люлей!».

Иногда люлей навешивали. Мы поначалу бежали жаловаться родителям. Но дело в том, что у большинства ребят отцы прошли войну, имели собственные представления о поведении в подобных ситуациях и в ответ на наши жалобы говорили:

«В следующий раз дай ему в нюх! А если наскочут сразу много на одного, вот тогда приходи ко мне. Я им и их папе объясню существенные. И прилагательные».

Объясняли. После чего драка один на один стала в большинстве случаев правилом, однако не единственным. А за кем победа – это уж как выйдет.

Тырили у отцов сигареты, а чаще – папиросы. Да и в киоск пойдёшь, спросишь «Памир» за десять копеек с присказкой: «Папа просил купить, на работу торопится». Что ж, продавали, тогда «драконовские» законы и таблички «Лицам до 18...» и «Предъявите паспорт» ещё не сочинили.

В «офицерском» доме присутствовало две категории «бойцов»: одна – мой возраст, другая – на три-четыре года старше, уже гордо носившая красные пионерские галстуки. Входящие в категорию по справедливости считались старшими товарищами и, неформально, «учителями жизни».

Здесь и далее стоит объясниться. Теперешние московские дети во многих случаях растут «под колпаком»: дом – школа – репетитор – какой-нибудь кружок или секция – опять дом, часто даже и с охраняемой территорией. А мы-то росли во дворах, в самом широком смысле этого слова, и поведение дворовое наше контролировалось взрослыми минимально. Отсюда пионерская, комсомольская и прочая убежденность вполне соседствовали с вредными привычками и хулиганскими поступками.

Какое было время, такое и было. И с позитивом, и с проблемами, не меньшими и не большими, по своей совокупности, чем в любое другое.

Когда учился в первом классе, те, которые уже носили галстуки, спросили:

«Куришь?»

«Нет», – говорю.

«Так пора!».

И дали попробовать. Закурил. «Старшие товарищи» курили даже в школьном туалете. Но нам запрещали:

«Рано тебе ещё тут курить! А ну, пошёл вон отсюда! В овраг деревенский шуруй, там и затягивайся!».

Шли в овраг. Воровали картошку на деревенских огородах. Разжигали костёр и пекли картофелины под папироску. Перед приходом домой, понятное дело, сосали какую-нибудь карамельку, чтобы отбить запах.

Что за атмосфера ощущалась вокруг? Если говорить о глобальных вопросах, то ни про какую «оттепель»: что это такое и с чем её едят, мы слыхом не слыхали, хотя и жили в те самые 60-е, – термин придумали, осмыслили и стали трактовать много позже.

Зато активно встречалось в пространстве словосочетание «культ личности», впрочем, сути его мы тоже не понимали. Я обращался к родителям за разъяснениями, они упоминали Сталина и что-то такое не очень хорошее (плюс обязательно хорошее!) с ним связанное. На миллионах репрессированных как-то не акцентировались, видимо, остерегались, да и не знали многого. Поэтому, наверное, и выходила непонятка. Зато хорошо понималось про сталинскую кунцевскую дачу – вот она, рядом, под высоким зелёным забором: летом возле него в войнушку играем, а зимой на лыжах и санках катаемся.

Про Никиту Сергеевича Хрущёва лучше понимали! В магазинах стало мало пшеничного и ржаного хлеба и много кукурузного. И дети, копируя взрослых, называли генсека КПСС «хрущ» и «кукурузник». Хороший Хрущёв или плохой? Да после смещения с высших партийно-государственных постов в 1964-м году его не больно-то вспоминали, память о Хрущёве «вернулась» в годы перестройки. И тогда мы с удивлением узнали, что, помимо партийных должностей, он во время Великой Отечественной войны был членом военных советов шести фронтов, закончил войну генерал-лейтенантом; что сын Хрущёва, Леонид, лётчик, погиб в 1943-м в воздушном бою...

Но вообще-то я не про это, а про детские впечатления! Как говорится, про то, что испытано на собственной шкуре...

Мать у меня родилась в деревне Казеевка Пензенской области. Там оставался бревенчатый дом под соломенной крышей, куда мы приезжали летом. Дошкольником я проводил там целое лето и, с желанием или без такового, знакомился с основами сельхозпроизводства. Вот тут рожь сеют, тут горох, тут гречиху.

При Хрущёве большинство полей отдали под кукурузу! Колхозный агроном, самородок с тремя классами образования дядя Герасим рассуждал:

«От ведь враг, а? Дык где пашеничка растёт, кукуруза не вызреет. Разве что на силос!».

Следом – огородный табачок в газетку и витиеватые нецензурные тирады.

На фото в газетах мы разукрашивали Хрущёва, подрисовывали ему усы, шевелюру вместо лысины, огромные уши. Никогда, никому и ничего за это не было. Ну, мол, дети, шалят.

И за анекдоты (именно в 60-е, по большому счёту, в массовом порядке появились анекдоты) никак не преследовали. Вспомним эти анекдоты:

«Приходит Хрущёв к врачу и говорит: «Грудную клетку расширять надо». Врач спрашивает: «Зачем?». Тот отвечает: «Ордена уже вешать некуда».

Никита Сергеевич был Героем Советского Союза и трижды Героем Социалистического Труда. Позднее в этом анекдоте Хрущёва благополучно заменил следующий генсек, Леонид Ильич Брежнев.

Или вот:

«Как живёте?» – шутит Никита Сергеевич, обращаясь к колхозникам. «Хорошо живём!» – шутят в ответ колхозники.

Ещё:

«Прилетают американские астронавты на Луну. Планируют: здесь это построим, здесь – вот это. Тут вылезают откуда-то жители Луны и говорят: «Не получится!». – «Почему?». – «До вас прилетал маленький, лысенький, всё кукурузой засеял!».

Самое время перейти к космосу. Захватывающий дух космос с лихвой компенсировал любимый кукурузный хлеб. На-и-зусть, как таблицу умножения помнили: 1961-й – Гагарин и Титов, 1962-й – Николаев и Попович, 1963-й – Быковский и Терешкова, 1964-й – Комаров, Феоктистов, Егоров...

Вот тогда и родилось, и стало серьёзным то, что теперь осталось шуткой:

«Ты кем хочешь быть?»

«Космонавтом!»

Страна ликовала! И что значит временные трудности с хлебом и колбасой, когда в учебнике для начальной школы «Рассказы по истории» чёрным по белому написано: «В 1980-м мы будем жить при коммунизме». Верили. И в Москве, и в далёкой деревне Казеевка, куда ещё не дошло электричество. Ничего, дойдёт, вместе с коммунизмом!

А пока мы лакомились «космической едой»: в магазинах продавались сгущёнка и кофе со сгущёнкой в металлических тубиках.

И мечтали о том времени, когда, наконец, стукнет мальчишкам и девчонкам десять лет – именно в этом возрасте возникнет полное право претендовать на громкое звание юного пионера Советского Союза.

Мы не шайка и не банда

Можно, конечно, побрюзжать: вот раньше было время, а теперь... Вот прежде были герои, а куда они нынче делись?

Но лучше вспомним написанную Гайдаром-кунцевчанином «Сказку о военной тайне, Мальчише-Кибальчише и его твердом слове». Там буржуины задаются вопросом: какая-токая у Красной Армии военная тайна? Зададим его применительно к сегодняшнему дню: какая-токая тайна в том, что каждый мальчишка в 60-е мечтал стать пионером?

Ответ прямо в той сказке 30-х годов и даётся, причём, актуальный, – и для 60-х годов прошлого века, и даже для века XXI-го.

Да, там есть коллективные персонажи в виде Красной армии и Чёрных буржуинов, но есть и их индивидуальные представители.

Мальчиш-Кибальчиш призывает других мальчишей идти на подмогу Красной Армии. И все пошли на подмогу.

«... Лишь один Мальчиш-Плохиш захотел идти в буржуинство. Но такой был хитрый этот Плохиш, что никому ничего не сказал, а подтянул штаны и помчался вместе со всеми, как будто бы на подмогу. Бьются мальчиши от темной ночи до светлой зари. Лишь один Плохиш не бьется, а все ходит да высматривает, как бы это буржуинам помочь...».

Получается, что дело не столько в «красных» и «чёрных» (которые на самом деле «белые»), а в том, что Кибальчиш – боец, а Плохиш – предатель.

Кибальчиш – «гордый, и не сказал он нам Военной Тайны, потому что такое уж у него твёрдое слово», – отмечали сами буржуины. И погиб Кибальчиш.

А Плохиш получил «целую бочку варенья да целую корзину печенья. Сидит Мальчиш-Плохиш, жрёт и радуется». И слово у него не твёрдое, а предательское.

А потом:

«Плывут пароходы – привет Мальчишу!
Пролетают лётчики – привет Мальчишу!
Пробегут паровозы – привет Мальчишу!
А пройдут пионеры – салют Мальчишу!»

Но Плохишу-предателю – хрен с горы, никаких приветов.

На таких вот сказках нас, ещё маленьких, воспитывали.

А тем, кто постарше, предназначался уже немного другой Гайдар, как раз с кунцевской историей

«Тимура и его команды». Тимур, как бы сейчас обрисовали, социально ответственный пионер, волонтер с акциями благотворительности. Отсюда до сих пор бытующий термин «тимуровцы».

Антипод – Мишка Квакин с компанией, «покоритель» дачных садов: и по-тогдашнему, и по-нынешнему – шпана, хулиган.

Сторонники Тимура:

«Мы не шайка и не банда,
Не ватага удальцов,
Мы весёлая команда
Пионеров-молодцов...»

Сторонники Квакина – так, сборище. Но не совсем пропащие: в конце рассказа Мишка Квакин не «перековывается», но вроде как «пошатывается», «колеблется», вот-вот (за пределами рассказа) перейдет на сторону пионеров-тимуровцев.

Вполне правдоподобно! В «Республике ШКИД» Григория Белых и Леонида Пантелеева бывшие беспризорники, хулиганы и бандиты просят создать в школе-интернате... пионерскую организацию. Получив отказ, создают её подпольно.

Но это художественные герои. А были и настоящие – кто ж из детей не знал их имён. И споры возникали лишь о предпочтениях: какой герой кому больше нравится. Ну, так давайте с позиций сегодняшнего дня посмотрим на тех, кто нравился мне тогда и о ком мнения менять и теперь нет никаких оснований.

* * *

Валя Котик, украинец, 1930-го года рождения, успел закончить всего пять классов. Когда немцы оккупировали Шепетовский район (Украина), мальчику исполнилось 11 лет. Уже осенью 1941-го вместе с товарищами убил главу полевой жандармерии, бросив гранату в машину, в которой тот ехал.

В 1942-м принят в ряды местной подпольной организации, в качестве разведчика, потом ушёл в партизанский отряд.

На боевом счету пацана успешные подрывы шести складов и железнодорожных эшелонов, а также многочисленные засады. В октябре 1943-го стоял на посту, как вдруг появились каратели. Мальчик успел застрелить вражеского офицера и поднять тревогу.

Валя получил Героя Советского Союза в 1958-м, посмертно. Но и при жизни награждён орденом Отечественной войны I степени и орденом Ленина, а также медалью «Партизану Отечественной войны» II степени.

Особо недоверчивые, дабы как следует понять суть происходившего, пусть познакомятся с процедурой награждения и статусом орденов и медалей в период войны. «Накрутить» такое для 13-летнего мальчиша-кибальчиша было невозможно.

В феврале 1944-го (11 февраля Котику исполнилось 14 лет) Валя получил смертельные ранения и умер.

* * *

Лёня Голиков родился в 1926-м. По возрасту в начале войны вроде уже комсомолец, так что это меняет? Бригадный разведчик 4-й Ленинградской партизанской бригады, которая действовала на территории Новгородской и Псковской областей. Участвовал в 27 боевых операциях, уничтожил 78 немцев, два железнодорожных и 12 шоссежных мостов, два продовольственно-фуражных склада и 10 автомашин с боеприпасами.

В августе 1942-го, возвращаясь из разведки, гранатой подорвал легковую машину, где находились немецкие военные. Застрелил из автомата шофёра и пассажиров, доставил в штаб бригады портфель с документами, в их числе чертежи и описание новых образцов немецких мин, инспекционные доносения вышестоящему командованию и другие секретные бумаги.

За доблесть и отвагу награждён орденом Ленина, орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу» и медалью «Партизану Отечественной войны II степени». Погиб в бою в январе 1943-го. Ещё при жизни представлен к званию Героя Советского Союза, присвоено в 1944-м.

* * *

Зина Портнова тоже родилась в 1926-м. Работала посудомойкой в столовой, где питались офицеры, направленные на курсы переподготовки. Зина отравила еду и сама чудом избежала смерти: немцы заставили её есть из тарелки с отравленным супом, она взяла ложку и стала есть... От яда её спасала бабушка с помощью народных средств, девочка выжила, а вот больше ста немецких офицеров – нет.

В Белоруссии, в партизанском отряде вступила в комсомол. В 1943-м арестована, её склоняли к выдаче членов подполья. Один из допросов закончился тем, что Зина сумела схватить пистолет следователя и убить его самого и ещё двух немцев, присутствовавших при допросе. Попытка бегства не удалась, Зине выстрелили в ногу. А когда она попыталась застрелить себя последним патроном, пистолет дал осечку.

До своей казни Портнова прошла все круги ада: выкололи глаза, искалечили, загоняли иголки под ногти и прижигали кожу раскалённым железом. Зина не дала никаких показаний. Опять мальчиш-кибальчиш, твёрдое слово и военная тайна.

В январе 1944-го года искалеченную, слепую и абсолютно седую 17-летнюю девушку расстреляли на площади в Полоцке.

Наград при жизни получить не успела...

* * *

По всему миру прошла история еврейского мальчика Абрама (Муси) Пинкензона. Он не воевал в партизанских отрядах, а слыл талантливым скрипачом. Когда евреев в станице Усть-Лабинская Краснодарского края согнали на расстрел, среди них оказался и Абрам, и его родители. Местное население обязали в строгом порядке наблюдать за проведением казни.

Первым убили отца Муси, затем мать. В этот момент к стрелявшим обратился 11-летний мальчик со скрипкой в руках и попросил: «Разрешите мне напоследок перед смертью сыграть на скрипке».

Палачам такой поворот событий показался любопытным, они разрешили. И мальчик заиграл. Не «Семь сорок» и «Не Боже, царя храни». Он заиграл «Интернационал», а люди стали подпевать... Убили и Мусю.

* * *

Пантеоны пионеров-героев располагались в школах, пионерских лагерях, в парках. Теперь они как-то исчезли и в ряде случаев заменились интернет-«открытиями» о том, как один пионер вроде бы папу предал, второй не так на пулемёт лёг, третий случайно самолёт на колонну вражеских танков направил...

Хватало в то время и взрослых героев. Отец и по службе соприкасался, и жили они где-то поблизости, но вот пришли к нам в гости супруги Самсоновы: он, Владимир Андреевич, в полковничьей форме и со звездой Героя Советского Союза.

Родители с гостями водку пили, чай, вели разговоры о работе и быте, а я-то думал и стеснялся спросить: за что Звезда?

«Да вот, говорит Владимир Андреевич, в Финскую (а я и не знал, что такое Финская) было дело: мёрзлы, бились, руку потерял...».

Позже я покопался и докопался.

Участник советско-финской войны 1939-1940 годов, стрелок 4-го пограничного полка войск НКВД, рядовой, комсомолец Самсонов в январе 1940-го нёс охрану участка дороги в районе посёлка Усма (это край карельских озёр, помните «А зори здесь тихие?»). Примерно, там). Погранрота попадает в окружение и остаётся в нём 58 дней.

Мороз сорок градусов, обогреться негде, много обмороженных и раненых, кончаются продовольствие и боеприпасы Пулемётчик Владимир Самсонов отстреливается и отбивает атаки противника. Но атаки повторяются. Самсонов вспоминал:

– «Я столкнулся с двумя офицерами и одним солдатом. Офицер выхватил финский нож и хотел всадить мне в спину. Я быстро повернулся и ударил его штыком. Он выстрелил. Пуля попала в кисть

моей левой руки, расщепив ствольную накладку винтовки. Разозлившись, я бросился на него и заколол, затем заколол и солдата. Разбив врага, мы возвратились в свои окопы».

В одном из февральских боев мина разорвалась вблизи от Самсонова, осколком ему перебило левую руку, которая и прежде была ранена. Винтовка упала в снег, рука повисла на коже. Владимир в присутствии своих товарищей оторвал руку и бросил в направлении противника, крикнув: «Возьмите, гады!»

Продолжил стрельбу и метание гранат, действуя одной правой рукой. Солдаты, воодушевленные поведением Самсонова, перешли в контратаку, и наступление финнов отбили.

Вот за такой поступок в этом же 1940-м бойцу и дали Героя.

Дедушка Калинин и бабушка Варя

С нетерпением ждали дня, когда повяжут галстуки. Впрочем, день известен – 22 апреля, дата рождения дедушки Ленина.

Хотелось бы, конечно, сказать, что принимали в пионеры самых лучших, да это не так. Принимали практически всех, но если точнее, то *не* принимали самых худших. Не приняли Серёжку Пивкина: он был как раз из тех «отвязанных», кто курил в туалете, а также прогуливал уроки и учился на двойки-тройки. Впрочем, через несколько месяцев приняли и его. Думаю, правильно: парень пережил стресс «изгоя» и воспринял факт зачисления в пионеры Кунцева с энтузиазмом и благодарностью.

Принимали нас в культовом месте, связанном с именем другого дедушки, ленинского соратника – Михал Иваныча Калинина, а именно в его музее рядом с Кремлём.

В основе этого дома-усадыбы – строения XVIII–XIX веков, принадлежавшие разным состоятельным хозяевам. После Октябрьской революции в доме короткое время размещалось общежитие текстильного комбината для командировочных. Затем здание передали Государственной библиотеке имени Ленина под институт библиотковедения. С 1950-го по 1992-й год здесь и располагался музей дедушки Калинина. Потом вновь возвратили «Ленинке» – теперь уже Российской государственной библиотеке, под центр восточной литературы.

И зря! Хорош ли, плох ли Михал Иваныч, а всё ж в музее размещалась познавательная, а нередко и захватывающая история, которую просто убрали с глаз долой. Нет больше не только музея. Нет Калининского проспекта. Демонтирован памятник Калинин у на нынешней Воздвиженке. Нет города Калинина. Ну ладно, город Калинин стал прежней Тверью – вполне красиво. Менее креативно то, что в дополнение к просто Арбату образовался Новый Арбат... В развитие прецедента, когда в Москве существовало несметное, потом слегка сокращённое, количество улиц 8-го марта, да и других похожих. То есть давайте сделаем Средний Арбат, Нижний и Верхний Арбат, да?

Сейчас, например, одних Кисловских переулков в центре Москвы фиговы тучи. Огромное поле для упражнений с новыми или возрождёнными названиями! Нет, не упражняются, не переименовывают.

Ладно, поехали дальше. Не являясь почитателем Калинина, сожалею, что в современной истории он представлен в фильмах главным образом в качестве старичка-дурачка-шута при всемогущем Иосифе Виссарионовиче Сталине. А ведь происходило много иного-разного.

* * *

Михаил Калинин – крестьянин, родился в Тверской губернии.

Закончил начальное земское училище, после чего попал в услужение к соседу-помещику, поехал с ним в Санкт-Петербург и работал лакеем. Из крестьян в лакеи – ничего, нормально. Важно, что дальше. А дальше, видно, не понравилось.

Осмотрелся, поступил учеником на Санкт-Петербургский патронный завод, затем – токарем на Путиловский. Здесь уже приобщился к нелегальным революционным кружкам. И в ссылках бывал, и в тюрьмах сидел, и гласным Санкт-Петербургской городской Думы избирался

В Февральскую революцию 1917-го – один из руководителей разоружения охраны и захвата Финляндского вокзала в Санкт-Петербурге. Помните, где Ленин на броневике выступал?

В октябре 1917-го в его квартире на Выборгской стороне проводились совещания по подготовке вооружённого восстания.

В 1919-м, когда Михал Иваныча избрали председателем ВЦИК (а это номинальный глава государства), Лейба Бронштейн (он же Леонид Троцкий) окрестил Калинина «всероссийским старостой». Так оно и повелось, менялось только на «всесоюзный староста».

Неплохой оратор-пропагандист. В марте 1921-го, накануне Кронштадтского восстания (вооружённое выступление матросов и красноармейцев под лозунгами «За власть советов без большевиков!», «Власть Советам, а не партиям!»), без охраны, в сопровождении жены, прибыл в крепость с целью склонения недовольных к прекращению волнений. На многочисленном митинге встречен аплодисментами. Однако, когда попытался агитировать, матросы сорвали его выступление, после чего Калинин беспрепятственно покинул Кронштадт.

Вот тебе и старичок-дурачок!

Весь период до Великой Отечественной войны лично «старосте» писали просьбы о помощи - при раскулачивании, несправедливом аресте, сложностях в трудоустройстве. «Староста» вёл личный приём граждан. Я сам видел малоизвестную кинохронику, когда к Калинину пришла бабушка, у которой украли кошелек.

«А как же у тебя его украли?» – спрашивает Михал Иваныч, тряся бородкой.

«Да так, вытащили, и всё!».

«Ну, будем разбираться...».

И, случалось, действительно помогал.

А что грешен, да, грешен.

В 1930-м, при очередных разоблачениях «врагов народа» Сталин писал:

«Что Калинин грешен, в этом не может быть сомнения. Всё, что сообщено о Калинине в показаниях - сущая правда. Обо всём этом надо осведомить ЦК, чтобы Калинину впредь не повадно было путаться с пройдохами...».

С точки зрения Сталина грешен. И не только, а и в целом по-сталински. 1 декабря 1934-го, в день убийства первого секретаря Ленинградского губернского обкома ВКП (б) Сергея Кирова, Михаил Калинин подписал постановление ЦИК и СНК СССР, сыгравшее важную роль в организации и юридическом обеспечении массовых репрессий. Вот фрагменты из Постановления «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик»:

«Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней;
2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде;
3. Дела слушать без участия сторон;
4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать;
5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора...».

Но история, она какая есть история. Или, какая нужно! В любом случае заслуживает право на существование.

Виноват ли Михал Иваныч? В пространстве большой истории – виноват, а применительно к тому времени виноват не сильно. И музей-то, зачем музей закрывать?!

* * *

Итак, едем на метро в музей Калинина. Место знакомое: хоть я и кунцевский, однако бассейн «Москва» (на месте теперешнего Храма Христа Спасителя) посещал регулярно, а тут до Моховой (раньше проспект Маркса) рукой подать.

Звучат высокие слова представителей чего-то и кого-то, и вот старшеклассники повязывают нам галстуки. Мальчики становятся на одно колено в первом ряду, девочки располагаются сзади во весь рост, фотографируемся у памятника всесоюзного старосты:

«Снова я вспоминаю, как песню,
Пионерии первый отряд,
Вижу снова рабочую Пресню
И весёлые лица ребят.
Красный галстук из скромного ситца,
Первый сбор, первый клич «Будь готов!»
В синем небе я вижу зарницы
Золотых пионерских костров...»

Галстук уже не из «скромного ситца», галстук теперь шёлковый. Надо бы отметить! Рядом с музеем – пирожковая. Заходим, покупаем по паре пирожков, по компоту и радуемся.

Домой пришёл, родители тоже радуются и поздравляют, а бабушка как-то сдержанна. Почему? Мне это совершенно непонятно, а потом сложил линию её поведения из отрывков-обрывков и немного разобрался.

Бабушка Варя, как и дедушка Калинин, тоже из крестьян. Родилась в большом селе – пять улиц, пятьсот дворов. К десятилетнему возрасту, а это как раз времена революций 1917 года, осталась без родителей, они умерли. Взяли Варю к себе старшие братья, Никита и Алексей. Никита – участник Первой Мировой, георгиевский кавалер. Но толку что? Навоз ковыряет как и все остальные. И Варя стала ковырять, закончить сумела всего два класса, а дальше – работа и работа. Казалось бы, советская власть чего-то дала... Ан нет!

«Что у вас тут? Какой у вас тут хлеб? – спрашивает бабушка. При царе хлеб был такой: пальцем продавишь, а он опять вздымается. А у вас что за хлеб!»

Я, правоверный пионер (у нас, это у кого, я хлеб не пеку?!), истово спору:

«Бедным крестьянам дали дорогу в жизнь! Они смогли учиться и стали жить лучше!».

«Кто стал жить лучше? Справных хозяев, которые в дерьме по уши день и ночь барахтались, раскулачили, а пьянь да рвань к власти пришла. И да, стала жить лучше. И пионерия ваша от них пошла...».

«А тебе ведь стало лучше?».

«Мне никак не стало: как работала с детства дояркою, пояркою, кем только ни работала, только плугочистом не работала, так и потом. Трудодни копила, за которые денег не платили, а ставили палочки...».

Не любила бабушка до самой смерти, заодно с пионерами, и коммунистов, и комсомольцев, надеялась только на свои руки. Самоотверженная была до предела: не для абстрактной родины, а для своих родных, для дома. Может, и правильно: где семья, родня, дом, огород – там и родина. А комсомол и партия – они интернациональны, за всё человечество...

* * *

Родители просят сбежать в магазин за хлебом. Бегу, галстук не снимаю и куртку расстегнул, чтобы виднелся красный шёлк. И кажется, что все смотрят и приходят в восторг: вон какой красивый пионер бежит. Кассирша, наверное, поняла настроение и говорит: «Пионер? Молодец!».

1964-й запомнился не только пионерским галстуком. Первый раз выехал за пределы Москвы и области. Вернее, не выехал, а вылетел – в Ленинград с родителями. За 50 минут полёта успел проплеветься аж два раза. В аэропорту, тоже в первый раз, попробовал чёрный кофе. В детском саду регулярно давали кофе с молоком, ну, скорее, этот напиток «кофе» только назывался. Про чёрный кофе слышал или читал в книжках.

Прошу родителей: а давайте выпьем чёрного кофе. Те смеются и заказывают. Оказалось, мурамурой! Впрочем, о том, что аэропортовский чёрный кофе из пакетика – тоже не совсем кофе, я тогда не подозревал.

А что Ленинград? Да как сказать... Зима, сырой колотун, часовая очередь в Эрмитаж, скучные вечера в гостинице.

Посетили, естественно, крейсер «Аврора». Я читал тогда, что живы многие матросы, которые в 1917-м поднимали восстание на крейсере. Что, мол, иногда они приходят сюда и рассказывают истории про революцию, про знаменитый выстрел вроде как по Зимнему. Я хотел увидеть этих матросов. Но они не пришли.

В тот раз Ленинград не впечатлил.

Добро пожаловать. В лагерь

Лагерь, слава Богу, пионерский. Первым моим лагерем, после третьего класса, стал подмосковный с характерным, десятки, а может сотни раз растиражированным названием «Юный ленинец». Всю смену шли дожди, и мы не купались в близлежащей речке. В палате нас шесть человек, один шкаф, и даже каждая тумбочка – на двоих. Удобства, умывальники и всё прочее, помещались на улице. Душевая полагалась раз в неделю. В лагере мне... безумно понравилось. Что понравилось?

Что с тобой всегда рядом пять пацанов, а в соседней палате – девчонки. К которым ночью можно прокрасться и измазать их зубной пастой – пока так, мы ещё маленькие, а будущие инстинкты бурлят только зубной пастой.

Что утром тебя будит пионерский горн с известной мелодией «Вставай, вставай, дружок, с постели на горшок...», и бежишь на улицу умываться под дождём.

Что на утренней и вечерней линейках лучших пионеров вызывают «на флаг», и они гордо поднимают его на высокую мачту. А ты стоишь и переживаешь: чего бы такое совершить, чтобы и тебя «на флаг» вызвали.

Нравилось, что после отбоя можно долго не спать и рассказывать друг другу страшные истории:

«В одном чёрном-чёрном лесу.
Стоит чёрный-чёрный дом.
В этом чёрном-чёрном доме.
Стоит чёрный-чёрный стол...».

Ну и так далее: стол, на нём гроб, в гробу лежит... коробка.

Соседи по палате внимательно слушают, ожидая какого-нибудь подвоха. Он и происходит:

«Мальчик открывает коробку, а в коробке... рак! А кто слушал, тот дурак!».

Раздаётся здоровое пионерское гоготанье, на которое тотчас сбегаются вожатые.

Очень впечатляла военная игра «Зарница». Строилась она так. Одна группа назначалась «красными», другая, соответственно, «белыми». Всем пришивались (чуть-чуть прихватывались нитками) погоны со знаками различия: сколько-то рядовых, сколько-то офицеров и один генерал. Каждому чину присваивалась своя «цена» в очках. Группы разводились в разные стороны, за пределами обоядной видимости, и вот начиналась «война», задача которой – найти противника (а он мог дробиться на более мелкие группы, устраивать засады) и сорвать как можно больше погоней. Когда все погоны «врага» сорваны – победа.

«Зарница» проходила во все годы и во всех пионерских лагерях. После первого опыта я с грустью писал домой:

«Играли в военную игру «Зарница». Мы были «красными» и проиграли. Потому что у «белых» оказались большие ребята, и они нас быстро всех поубивали...».

Последующие «Зарницы» прибавили мастерства, в ряде случаев весьма изощрённого. Например, можно сделать запасные погоны и прикрепить их, когда сорвут первоначальные.

Или вот как. Однажды я дослужился до «генерала». Подобной чести удостоился за то, что на лагерных спортивных соревнованиях бегал быстрее всех. За «генерала» давали наибольшее количество очков, поэтому его основная задача заключалась не в том, чтобы биться, а в том, чтобы как можно дольше (пока всех других не «убьют») убежать от противника.

На поляне сталкиваюсь с чужим «офицером». Посмотрели друг на друга и пришли к консенсусу типа «я тебя не трогаю, иду своей дорожкой; и ты меня не трогай, иди своей дорожкой». Я повернулся и пошёл, а «офицер» – хватя сзади – и погоны мои оторвал. Я выступаю с претензиями, у него погоны срываю и пытаюсь свои отобрать, завязалась реальная драка, которую судьям-вожатым пришлось разнимать.

Снова пишу домой:

«Состоялась у нас военная игра. Я был генералом. По очкам мы у них победили, но так как с обеих сторон много жухали, то счёт объявили 0:0».

Запомнились и другие игры. Например, лагерный КВН, где предстояло выполнить и разыграть задание «День без вожатых». Выполнили, разыграли, разработали декларацию из девяти пунктов:

1. Подъем по заявкам.
2. Зарядка по праздникам.
3. Завтрак по закону джунглей: ест сильнейший.
4. Купание до посинения.
5. Обед по расписанию.
6. Шумный час.
7. Футбол до потери сознания.
8. Ужин тоже по расписанию.
9. Отбой в час ночи...

В пионерлагере впервые посмотрел фильм Элема Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён». Здесь тот счастливый случай, когда фильм и сегодня знают даже школьники – внуки пионеров 60-х. Всё ли там правда? Кажется, что почти всё. В роли пионера Кости Иночкина выступил актёр Виктор Косых, сыгравший вскоре Даньку в «Неуловимых мстителях», а много лет спустя, в «Холодном лете 53-го» – бандита, выпущенного по амнистии совсем не из пионерского лагеря. Пионер Иночкин подвергся «репрессиям» (отправлен домой) за то, что смылся из лагеря к деревенским ребятам.

Ну и мы смывались. Настолько безобидно – ну, например, в магазин за сгущёнкой, что из лагеря за это не выгоняли. Но отчисляли порой за курево, за употребление неположенных напитков – да, такое и среди пионеров случалось.

Фразы директора-бюрократа из «Добро пожаловать» Дынина (Евгений Евстигнеев) вошли в народный фольклор:

«Когда я был маленький, я тоже отдыхал в пионерских лагерях. И у меня тоже была бабушка. Но я ни разу не смог огорчить её до смерти. А вот он – смог».

Вожатая Валя (Арина Алейникова), в отличие от Дынина, вполне понимала детскую душу.

И простоватый завхоз (Алексей Смирнов) понимал:

«Главное – на суп налегай: в жидкости вся сила». И ещё: «Куда ставить-то?!».

Всё как в жизни: и палаты, и кормёжка, и бдительная медицина (попробуй заболей – замучают лечением), и праздники...

Несколько раз я ездил в пионерлагерь имени живой народной героини Валентины Владимировны Терешковой – в космосе ей присвоили позывной «Чайка», отсюда и лагерь так назывался. Крым, Евпатория, Чёрное море. Сравнивая с «Юным ленинцем», с удивлением понял, что в жизни, как выяснилось, довольно много непознанного.

Три дружины, по двенадцать отрядов в каждой – итого 36, больше двух тысяч пионеров.

Лагерный пляж протягивался на полтора километра. И море! Море!! Честное слово, сразу по приезду я побежал к морю для того, чтобы попробовать, правда ли в нём солёная вода, а то, может, врут... Солёная!

Постепенно освоил маску, ласты. Хорошим тоном считалось поймать большого, ну, хотя бы со взрослую ладонь, краба. Его клали в муравейник, чтобы муравьи объели мясо, а затем разделявали на «модные» части. Красивый чёрный «зуб» клешни заливали сургучом, вставляли проволочку-зацепку и получался амулет, который носили на шее на шнурке или цепочке. Фаланга использовалась как держатель для пионерского галстука. Его теперь не обязательно завязывать, а можно продевать через фалангу. Панцирь котировался как декоративное украшение. Всё вместе получалось очень стильно.

Галстук в пионерлагере воспринимался как модный аксессуар: он вязался разными узлами, концы могли располагаться вместе или вразлёт, или заправляться под рубашку. В конце смены члены отряда оставляли на галстуках друг друга автографы и пожелания.

В шестом-седьмом классах наряду с мазанием девочек по ночам зубной пастой стали притягательны танцы – они проводились вечером, на улице возле столовой, почти каждый день.

«Где-то вдали догорает закат
И фонари ярче горят,
И не дают они людям сбиться с пути,
Ночные спутники их – фонари.

Город ночной серебрит в реке,
Арки мостов в сказочном сне,
Окна больших домов погасили огни,
Лишь неустанно горят фонари...»

Это поёт Жан Татлян.

Мы робко приглашаем девочек-пионерок на «медленные» танцы. Подходишь и говоришь: «Можно вас пригласить?». А весь день вроде были на «ты». Танцуешь молча, и хочется как-то с ней что-то самому непонятное мужское совершить, а страшно: вдруг, скажет: «Дурак, что ты делаешь!».

К вопросу о танцах. Что такое «медленные» танцы, все понимают: топчись и топчись на месте. Поговорим о других танцах.

Начнем с того, что героиня-космонавт Валентина Терешкова приехала-таки в лагерь к какой-то его округлённой годовщине. И вот к посещению Валентины Владимировны начали готовить концерт, участников коего муштровали ежедневно часа по три. Моя роль заключалась в групповом исполнении двух танцев: «Яблочко» и «Фигурный вальс». В течение двух недель ежедневно мы танцевали по три часа «Яблочко» и «Фигурный вальс». Правду сказать, как танцуется «Яблочко», я довольно быстро забыл, а вот «Фигурным вальсом» мог блеснуть во многие последующие годы.

Если просто вальс – это кружение с партнёршей, где важно правильно, в такт перебирать ногами, то сложный вальс – это ещё и фигуры с ритмами/периодами, в каждой фигуре по восемь: «Балансэ», «Окошечко», «Вальсовая дорожка», «Правый вальсовый разворот в паре». Фигурный вальс при желании дополняется различными красивыми элементами: вращение партнерши руками, позировки, поддержки.

А можно менять фигуры местами, сокращать их количество; главное – не выбиваться из цикла в 32 периода.

Не очень понятно? Ну, это только до того момента, когда сам попробуешь!

Репетировались не только танцы, но и весь большой концерт. Бравые суворовцы из военно-музыкального училища исполняли музыку, предваряемую заставкой:

«Любителей классики мы не забыли:
Моцарт: «Рондо» в турецком стиле».

За две репетиционные недели я слышал «Рондо» раз сто. И это зачлось во вневременной интеллектуальный актив. Не будучи знатоком классической музыки, через пять, десять и более лет, заслышав «Рондо», я, прерывая предыдущий разговор, обращался к собеседнику или компании со словами:

«Моцарт! Божественно!».

Люди с уважением смотрели на меня и произносили фразу:

«Да ты, Саша, знаток!».

И я был очень горд, хотя какую-то другую мелодию Моцарта вряд ли угадал бы.

В общем, народная героиня Валентина Терешкова концертом осталась довольна! При этом надела пионерский галстук.

* * *

Лагеря были не только пионерские. В то же, шести-семиклассное время, я, посещавший секцию лёгкой атлетики, одним летом дополнил пионерский лагерь спортивным. Существенная идеологическая разница! Если *там* мы числились пионерами и гордились своими галстуками, то *тут* галстуки никого не интересовали, фигурировали исключительно спортивные костюмы. И главным значился сам спорт, конечно, – в нашем случае легкоатлетический. Кто-то бегал, другой прыгал в длину, третий – вверх, четвёртый метал ядро; пятый выступал в нескольких видах и назывался многоборцем.

Жили не в палатах, а в палатках, в Московской области, под Вереёй. К нашей поляне примыкал пионерлагерь с «редким» названием «Дружба». Там питались и мылись в бане.

Но сначала расскажу о первом знакомстве с баней. На деревенской родине матери, которую регулярно вспоминаю, тоже стояли бани – там я к ним и приобщился. Но бани в деревне строились весьма своеобразно: предбанник, где раздеваются, а дальше парная, она же мыльная. Более того. В

парной-мыльной находилась и печка! Печку топишь, температура набирается, но дым ползёт по помещению, а кислород выгорает. Я, конечно, сперва не понимал, что это так, однако чувствовал себя не совсем уютно: либо мойся, либо парься – то и другое сочетать тяжело. И обмороки случались у недеревенских и непонимающих.

В пионерлагерной бане никакой парной, конечно, не предвиделось, но мы решили её устроить. А как? Да просто! Заготовили веники, открыли все краны с горячей водой на полную катушку. Помылочное пространство заволкло паром, и появилась иллюзия реальной бани. Настоящую «белую» парную пришлось вкусить значительно позже. А пока и так понравилось, особенно нырять после пара в речку Протва.

Палатки наши стояли в лесу, в непосредственной близости от болот. И комар водился такой, что в программу утренней зарядки включили специальное упражнение: каждому спортсмену убить сто комаров. Справлялись за считанные минуты, но «комариный рай» не добавлял удовольствия в спортивную жизнь. Видимо, дискомфорт касался не только нас, поскольку через некоторое время по лесу проехала какая-то фантастическая машина, распускающая дым. И число комаров резко поубавилось.

«Неподецки».

Конечно, понимаю, как это правильно пишется: «не по-детски». Однако смысл того, о чём я буду рассказывать дальше, лучше передаёт всё же сленговое «неподецки».

Начну не с обещанных выше вредных привычек и хулиганства, начну с вполне благородных вещей. В семье папы-военного, мамы-учительницы и самоотверженной бабушки, не любящей пионеров, комсомольцев и коммунистов, я не шикавал, но и не нуждался. Отсюда ранняя тяга к заработку являлась не следствием голода-холода, а процессом, желанием более сложным, однако, как мне кажется, не аномальным.

Где и как можно достать денег 10–12-летнему пацану? Самый простой и безопасный способ – прикарманить сдачу, остающуюся после покупок, за которыми послали родители.

Столь же просто не пойти в школьный буфет и не съесть коржик, а отложить выделенные, опять же, мамой и папой деньги, чтобы потратить их на что-то привлекательное.

Однако, как поётся в популярной пионерской песне, мы лёгких путей не искали. В искомом возрасте почти все ребята собирали марки. Так марки-то можно как купить, так и торгануть ими на филателистической толкучке в парке культуры имени пролетарского писателя Максима Горького. Или во Дворце пионеров на Ленинских горах. Или прямо в собственном дворе.

А бутылки собирать? За стандартную пол-литровую бутылку в приёмном пункте давала 12 копеек. Мало? Ну, как сказать: на дешёвое мороженое хватит или на пачку сигарет без фильтра. Две пустые бутылки – это уже одна полная бутылка лимонада, три – бутылка пива, десять – бутылка вина.

От простого переходим к сложному. В картишки! На деньги! Рано? Нормально, с учётом наличия поблизости старших ребят – «учителей жизни» и совершенно бесплатного обучения.

Во что играли? В «трынку», в «буру», в «очко». Рассказать технологию игры, а, вернее, выигрыша? Не, не буду, чтобы не привлекли за распространение всякого вредного. Да и рассказано достаточно.

Впрочем, один нюанс стоит вспомнить. Приходит чужой, ранее неизвестный нам, но улыбчивый парень. Давай, говорит, сыграем. Мы мальцы-то мальцы, но опасаемся: не-е-е...

«Да мы не на деньги, Ну, по десять копеек».

И сдаёт... три туза.

«Смотри-ка, выиграл. Вот тебе десять копеек».

«Учителя» подошли вовремя. Вломили тому игроку по ушам, прогнали его, а нам сказали:

«С незнакомыми играть не садись – пропадёшь».

Где играли? На чердаках – они тогда не закрывались; в квартирах, когда родители находились на работе. Бывало, что проигрывалось всё, накопленное прежде неиссякаемыми фантазиями. Но случалось и выиграть!

А был ли способ действительно заработать, то есть вложить свой труд на пользу обществу и получить за это деньги? Представьте себе, да!

В Московской области, в пригороде Серпухова раскинулся солидный совхоз «Большевик». Здесь жили бабка Полина с дедом Сергеем – родители отца, а также его сестра Жена с мужем Юрием и

детьми. Дед подрабатывал плотником в овощехранилище, а дядя Юра возил туда овощи. Вот родственники и подсказали: есть вариант работать на полях – вязать редиску или лук. В летние каникулы после третьего класса я приехал в совхоз. Вставал в семь часов и добирался на автобусе на работу к восьми, а трудился, в силу малолетства, до обеда.

Что значит «вязать редиску»? Надо выдернуть из грядки десять редисок, отряхнуть их от земли и связать в пучок. Стоило это одну копейку. За смену удавалось сформировать 100–120 пучков, итого получался рубль или рубль двадцать. Сидел я на полях две недели – двенадцать рабочих дней, выходной полагался только раз в неделю. Заработал около пятнадцати рублей: для десятилетнего пионера вполне прилично.

Помню, что рублей за пять-шесть купил себе в московском Доме игрушки луноход с дистанционным управлением; он участвовал потом в самых разных операциях: например, «вражеских» солдатиков раздавить во время очередной игры в войну на домашнем ковре, там же преодолеть препятствие и так далее.

Аппетит приходит во время еды, не так ли? И ко мне пришёл: стал интересоваться, есть ли работа посерьёзнее и поденжнее. Оказалось, что есть. И через год, а потом и через два я сбивал ящики на овощной базе там же, в «Большевику». В процессе овощного оборота ящики, состоящие из продольных планок с просветами, ломались, и их сбрасывали в большую кучу. Задача заключалась в починке ящиков. Тот, что совсем развалился, разбирался на планки и гвозди, они служили восстановительным материалом для «возвращения в строй» ящиков, не сильно поломанных.

Один ящик стоит полторы копейки, в день получалось сбить штук 70–100. За неполный трудовой месяц получил около тридцати рублей. Большую часть торжественно вручил матери, а себе оставил семь пятьдесят, на которые в музыкальном отделе Детского мира на площади Дзержинского приобрёл гитару.

Сбережения, как известно, надо защищать. Случаи, когда дворовая шпана отбирала деньги у меньших, не были редкостью. Да ещё и побить могли. Что делать? Убегать? А если те бегают быстрее?

«Старшие товарищи» вновь поделились накопленным опытом. Берёшь стальную трубку диаметром около сантиметра, обрезаешь под размер пистолета. . . . Называется такое самодельное устройство «поджигой».

Применяли для испуга! При очередном столкновении с «чужими» один «наш» стрелял вверх или в сторону, а второй держал пистолет наготове. Мало-помалу нужные слухи в округе распространились: «К «офицерским» лучше не подходить – у них «поджиги!».

Имелась и заводская продукция. Однажды «учитель» предложил изделие из металла, очень похожее на авторучку. Она развинчивалась пополам и внутрь закладывался малокалиберный патрон. Колпачок «ручки» снимался, и получалось дуло. И «ручка», и патроны приобретались, естественно, из-под полы. От «поджиги» «ручка» отличалась понятно чем: возможностью быстрой перезарядки.

Когда в соседних дворах собиралась «кодлянка» и шла нас бить, мы стреляли. Обошлось, слава Богу, без смертей, а вот лёгкие, но заметные ранения «враги» ловили. Любопытно, что ни в милицию, ни в больницу никто из пострадавших не обращался.

Имелось и совсем простое, но очень неприятное оружие – болт. А если в кого отлетит гайка или болт, эффект даст о себе знать серьёзно.

Касательно драк без применения огнестрельного, так сказать, оружия? Это само собой. До пионерского возраста драки были неопасные – лёгкая разминка в преддверии будущих тяжёлых боёв. Ну, потыкаем друг друга кулачками, кто-то и поплачет из-за расквашенного носа или пробитой губы, но в принципе, как говорится, ничего лишнего.

В пионерском и комсомольском возрасте дрались уже кулаками, цепочками, солдатскими ремнями – и один на один, и стенка на стенку. Носы трещали, зубы вылетали или ломались только так, а про «фонари» под глазами и говорить нечего.

Потихоньку приобщались к выпивке. Подходит из многократно упомянутой категории «старших товарищей» пацан Серёга Лосевников – комсомолец уже девятого или десятого класса (а мы, пионеры, учимся в шестом) и деликатно спрашивает:

«А внутри-то уже принимаете или как?».

«Как принимать, нам в магазине по малолетству никто не отпустит».

«Двадцать копеек дадите, – я принесу».

Сбрасываемся по рубль тридцать умножить на два – два шестьдесят, или две бутылки по 0,5 красного портвейна плюс двадцать копеек за услуги, и он, здоровый лось, приносит.

Собираемся в квартире у Кольки Немцова, родителей нет дома, вшестером. Помню, приготовила ему мама две зразы с капустой. Режем на шестерых, едим, выпиваем. В полной эйфории (тогда 150 граммов с хвостиком на среднего школьника считалось много) выходим во двор. В модных клешённых брюках – в терминологии того времени, в «клешах», начинаем играть в футбол на проезжей части...

Понравилось. Через пару дней послали в магазин за бутылкой уже своего парня, без двадцати копеек за услугу, Женьку Вавилова: мол, скажи в магазине, что папа послал. Женьку увидели у винного прилавка соседи, «взяли за ж...», привели к родителям. Вавилов, к его чести, не раскололся о замысле всего проекта, друзей не сдал. Но как-то так, даже не из-за страха, получилось, что «питейная» тема года на два закрылась.

Ещё из «недецкого». Зимой наша небольшая внутренняя улица убиралась плоховато, и машины ездили по уплотнённому снегу с наледями. А мы «охотились» за машинами, цеплялись за бампер и катались по дороге. Машина тормознёт, ты отлетишь куда-нибудь, набьёшь синяков. Или от водителя затрещину получишь, если поймает.

Наиболее отчаянные упражнялись на товарняках. Возле станции «Кунцево» они замедляли ход, самые дерзкие ребята вскакивали на какую-нибудь часть вагона или платформы, ехали некоторое время, потом спрыгивали. Пятиклассник Федя Габидулин спрыгнул неудачно: нога ушла под колесо, и лишился Федя ноги.

Такие дворовые развлечения практиковались в «оттепельных» шестидесятых.

Если есть там соловьи, то разбойники

Вернёмся к гитаре, купленной в шестом классе за семь пятьдесят. Надо учиться играть. Обращаюсь за помощью к известным старшим товарищам – не в музыкальную же школу идти, на хрен она мне сдалась.

«Нам с тобой возиться некогда, – говорят товарищи, – но телефон одного мужичка дадим».

Мужичка зовут Лев Карпыч Данилюк, у него отлично налажен нелегальный обучающий бизнес. Квартира, в которой маэстро проводит занятия, достаётся ему без арендной платы, поскольку ребёнок хозяев тоже музыкой занимается, но задаром.

На чём учит играть Лев Карпыч? На всём. На гитаре. На скрипке. На баяне и аккордеоне. На фортепьяно. Причём, желающих играть на разных инструментах он не разделяет, а собирает вместе. Такса единая: час или полтора занятий – рубль.

Хотя не оркестр, а какофония звуков, но получалось довольно эффективно, во всяком случае с гитарой. Тем более, что вопрос заключался не в том, чтобы играть, а чтобы «лабать». Это значило, что ноты для игры учить не обязательно – нужно запоминать аккорды, они обозначены в большинстве нотных сборников для гитары. Если знаешь пять аккордов, то выступления на лавочке во дворе тебе гарантированы. Десять – и ждёт сцена в школе или пионерлагере. Если больше – прямая дорога в средней руки ВИА (вокально-инструментальный ансамбль), которые как раз в 60-е стали интенсивно размножаться.

С какой песни началась моя пионерская гитарно-песенная деятельность?

Пожалуй, с песни «Ковбои». Другие варианты названия песни: «Трое ковбоев», «Кабачок одноглазого Гарри»; вариантов текста – великое множество. В общем, автор неизвестен, но творение его бессмертно.

«Ярко светит луна, схоронясь за листвою.
По дороге степной проскакали ковбои.
Чу, вдали огонек – кони быстро помчали,
Это был кабачок одноглазого Гарри.

Трое слезли с коней, сапоги подтянули,
И в дубовую дверь трое молча шагнули.
Ярко свечи горят, виски льется рекою,
За дубовым столом веселятся ковбои.

Влезла шайка громил, человек восемнадцать,
И ковбоям троим говорят убираться.
Но шесть яростных глаз в темноту заглянули,
И три кольца стальных испустили по пуле...»

По мере продвижения к кульминации и развязке сюжета песни число интерпретаций постепенно увеличивается. Сначала они просто разные: например, в одном случае речь идёт о ковбойских кольцах, в другом – о наганах, в третьем – о ножах.

Потом толкования становятся противоположными: первая концовка предполагает полную победу ковбоев, которые остаются живыми; во второй по дороге скачут уже только два ковбоя, а третий погиб, атаман притом; наконец, есть версия, когда «по дороге степной кони шли без ковбоев», поскольку «лучше смерть от ножа, чем позор для ковбоя».

Чрезвычайно душевная песня, пусть и отнесённая к категории дворово-блатных; исполнял я её – один и в группе – на всех перечисленных выше площадках.

Помимо аккордов играет существенную роль гитарный бой. Различают «тактовые» бои – «четвёрка», «шестёрка», «восьмёрка»; «переборные» и «переборно-тактовые» бои – всего двенадцать основных видов. Если ты овладел, например, «восьмёркой», то аккорды менее важны, чем если играешь «перебором».

Вот, скажем, типичная «восьмёрочная» песня «Хуторок» – так же, как и «Ковбой», не имеющая автора; популярная тогда и сейчас.

«Сыпал снег буланому под ноги,
В спину дул попутный ветерок,
Ехал я просёлочной дорогой,
Заглянул погреться в хуторок.

Встретила хозяйка молодая,
Как встречают милого дружка,
В горницу любезно приглашая,
Ласково смотрела на меня...»

Дальше закрутилась любовь-морковь, в результате «так и не доехал я до дому; затерялся где-то вдалеке. Что же делать парню молодому, коль пришлось девчонка по душе?».

11–12-летние пацаны исполняли песню надрывно и зазывно; голосом бывалого молодца, пережившего многие любовные приключения.

А потом... Потом всё заменил Высоцкий. Наша семья обладала немислимим для тех времён сокровищем: в 1961-м из очередной командировки отец привёз катушечный магнитофон Spallis прибалтийского производства. Чуть позже появились плёнки с песнями Булата Окуджавы. Всё ещё вспоминая сталинские времена, отец говорил: ну, это не совсем разрешённое, а есть и совсем не дозволенное... Например, песня «Чёрный кот»:

«Со двора подъезд известный
Под названьем чёрный ход.
В том подъезде, как в поместье,
Проживает чёрный кот.

Он в усы усмешку прячет,
Темнота ему как щит,
Все коты поют и плачут,
Только чёрный кот молчит.

Он давно мышей не ловит,
Усмехается в усы,
Ловит нас на честном слове,
На кусочке колбасы.

Он не требует, не просит,
Жёлтый глаз его горит,
Каждый сам ему выносит
И спасибо говорит...»

Кто-то пояснил, что песня-то про Сталина. Не знали мы, про Сталина или нет, но побаивались. Песни Окуджавы под гитару не очень-то пели. В школе, в пионерии, в хоровом исполнении – да: «Весёлый барабанщик», «Ах, война, что ж ты сделала, подлая».

В застолье: «Ах, Надя-Наденька, я за двугривенный в любую сторону твоей души...».

Нельзя не вспомнить знаменитых «Битлов» – «The Beatles», чьё формальное существование как ансамбля пришлось как раз на мои пионерские и ранние комсомольские годы. Песни «Битлов» были сверхпопулярны, однако сложны для исполнения «лабальщиками» на гитаре типа меня. Однако некоторые вполне удавались. Не успели «The Beatles» написать песню «Girl» в конце 1965-го, как её стали распевать в Союзе. Мы с Серёгой Дюженковым зажигательно выдавали её на школьных вечерах года три спустя, даже на английском языке! Русские переводы, а также вольные переложения тоже имели место, но как-то неконкурентно с натуральным текстом:

«Is there anybody going to listen to my story
All about the girl who came to stay?
She's the kind of girl you want so much
It makes you sorry
Still, you don't regret a single day

Ah girl, girl...»

Но вот Высоцкий! И «Битлов» перебил Высоцкий!! Началось с того самого магнитофона. Сначала истово копировали записи, сделанные несчётное число раз до нас кустарным способом на концертах Владимира Семёновича – тогда всего-то молодого Володи, тридцати не было. Качество записи на выходе получалось отвратнейшее, слова разбирались далеко не сразу. И сплошной блатняк, типа:

«... Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл,
И как-то в осень,
И как-то в осень
Иду с дружкой, гляжу – стоят.
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд,
Их было восемь.

Со мною нож, решил я: – Что ж,
Меня так просто не возьмешь.
Держитесь, гады!
Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать?
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда
Так было надо...»

Думаю, что «легальный» прорыв – не столько для автора, сколько для страны – произошёл в 1967-м, когда на широкий экран вышел фильм «Вертикаль» с военными песнями Высоцкого. Вслед за фильмом выпустили то, что называлось «гибкой грампластинкой» с четырьмя песнями: «Здесь вам не равнина», «Песня о друге», «Прощание с горами», «Военная песня». Вот тогда и пошло: все, кто мог хоть немного тренькать на инструменте, играли и пели эти сочинения актёра, поэта и барда.

Ну и не только эти! Из «молодых» песен Владимир Семёныч я любил и исполнял «Нечисть» – «страшную» песню:

«В заповедных и дремучих,
страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
и в проезжих сеет страх:
Воеет воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи – то разбойники.

Страшно, аж жуть!...»

Нравились и пелись под гитару также сказочно-шуточные произведения Высоцкого, скажем, «Про дикого вепря»:

«В королевстве, где все тихо и складно,
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий вепрь огромный –
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур.

Сам король страдал желудком и астмой,
только кашлем сильный страх наводил,
А тем временем зверюга ужасный
Коих ел, а коих в лес волочил.

И король тотчас издал три декрета:
“Зверя надо одолеть, наконец!»
И кто отчаётся на дело, на это –
Тот принцессу поведет под венец!...»

И военные песни, раскрывающие, казалось, какую-то новую правду, например, «Штрафные батальоны»:

«Всего лишь час дают на артобстрел,
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, ну а кому – до “вышки”.

За этот час не пишем ни строки –
Молись богам войны, артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так – мы штрафники,
Нам не писать: “...считайте коммунистом”...»

В 1968-м произошло такая история. Алла, сестра моего одноклассника Саша Семёркина, училась в МГУ на биологическом факультете, в здании на Ленинских горах. Однажды она принесла билет на Высоцкого – он согласился дать концерт на биофаке.

Саша спросил, нельзя ли достать билет и для друга. Алла ответила, что это нереально. Тогда мы начали билет внимательно рассматривать и увидели, что он напечатан на пишущей машинке, на обычной тонкой бумаге и «освящён» простым прямоугольным штампиком факультета. Подумалось: ну, если уж мы «поджиги» делаем, то такую фигню...

Пытливый пионерский ум интенсивно заработал. Машинку нашли у пацана, чей папа дослужился до целого профессора; бумагу и штемпельную подушечку купили в магазине. Оставалось самое трудное: форма штампа. Пытались резать его на голенище сапога, на резиновом мячике – не получалось! Лучший результат вышел, когда применили большой школьный ластик. Слегка расплывчато, но вдруг не заметят?!

У входа в здание биофака колыхалась такая толпа, что стало понятно: с ластиками или с чем-то похожим экспериментировали не мы одни. Но внутрь всё же с трудом пробилась, однако в фойе начался полный кошмар. Вход в аудиторию узкий, и возле него образовалась «пробка». Толпа пульсировала вглубь и вширь, в какой-то момент я оказался у застеклённых стендов с портретами ветеранов Великой Отечественной войны. Один стенд треснул, посыпались стёкла, я порезал руку и вытер её о белую рубашку соседа по толпе. Но «поле боя» не покинул!

В конце концов студенты поздравнее упёрлись руками друг другу в плечи и сделали человеческий «коридор», по которому, согнувшись, пробирались люди с билетиками. Пробрались и мы с Сашей, общественные контролёры на поддельный штамп никакого внимания не обратили.

Для концерта выбрали обыкновенную учебную аудиторию: амфитеатр, где ряды парт возвышаются один над другим. Удалось попасть на предпоследний ряд, потом фанаты заняли последний, затем ступеньки, и подоконники, и вот зал набит до самого входа-выхода. Со всех сторон в сторону кафедры-сцены тянулись записывающие микрофоны. И грянул концерт...

Уже написав эти строки, я наткнулся на воспоминания известного барда Владимира Ланцберга:

«В 1967 году на биофаке МГУ должен был выступать Владимир Высоцкий. Естественно, желающих попасть на этот концерт оказалось гораздо больше, чем мест в самой большой аудитории факультета, да и не все желающие состояли в достаточно хороших отношениях с комитетом комсомола, через который распространялись билеты – примитивные самodelки, размноженные фотоспособом. Три предприимчивых студента (со слов одного из которых Михаила Ившина и записана эта история) решили помочь народному горю. Попросив на время единственный экземпляр заветной бумажки, они в кратчайшие сроки изготовили копий с него вдвое больше, чем было в природе настоящих билетов. Своих клиентов они, правда, честно предупреждали, чтобы те приходили заранее, так как возможны проблемы с местами. Так что когда к аудитории стали подтягиваться обладатели натуральных билетов, та была уже не просто полна, а прямо-таки забита.

К моменту появления на сцене Владимира Семеновича конфликт всё ещё не разрешился: слушатели толпились в проходах и на галереях и уже довольно плотно сидели на ступеньках (аудитория представляет собой крутой амфитеатр), а под всеми дверьми возбужденно гудели те, кому не досталось никаких билетов.

И тут случилось непредвиденное.

В самой верхней части аудитории есть двери, соединяющие её с коридором третьего этажа: массивные, дубовые, в полтора человеческого роста. Большую часть года они закрыты, по особо торжественным случаям открываются наружу. А тут они в первый и пока последний раз за всю свою жизнь открылись внутрь. И прямо по сидящим на ступеньках покати́лась волна пьяных от своей удачи безбилетников...

Положение спас Высоцкий: он ударил по струнам и запел что-то энергичное, кажется, “Порвали парус”. Все замерли в тех позах, в которых их застигли первые звуки. Потом, когда песня кончилась, все осели, где стояли...

Но память о народном подвиге осталась жить. Девятью годами позже выступавший в той же аудитории Сергей Никитин свои пародии на Высоцкого предварил такими словами: “Говорят, несколько лет назад, когда тут Высоцкий выступал, здесь черт-те что творилось. Двери сломали...”

Вроде всё в воспоминаниях сходится, да? Только разница между годами есть: пишу, что концерт проходил в 1968-м, а Ланцберг – в 1967-м. Я бы согласился, но вот какая неувязка. Высоцкий пел как известные, так и новые песни. Про одну сказал: «Сейчас я спою совсем новую песню, она называется «Жираф» или «Что случилось в Африке».

«В жёлтой жаркой Африке, в центральной её части,
Как-то вдруг вне графика случилось несчастье.
Слон сказал, не разобрал: «Видно, быть потопу...»
В общем так: один Жираф влюбился в Антилопу...»

В историографии песен Владимира Семёновича создание «Жирафа» значится 1968-м годом...

С другой стороны, сам Высоцкий позже рассказывал, что песня писалась для спектакля театра «Современник» «Свой остров». Но спектакль-то вышел и вовсе в 1971-м году! Легенды и реальная жизнь, как это часто бывает, тесно переплетаются. Впрочем, остановимся на этом, поскольку у нас не научно-документальное повествование, а художественная повесть.

В которой приближается моё 14-летие. Ух! Начиная с этой даты, можно вступать во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи – ВЛКСМ – комсомол. Возникает мысль о комсомоле, и как-то она волнительно греет.

(Продолжение в следующем номере)